

Смерть матушки Дун принесла во дворик Душистых Орхидей тяжелую, гнетущую атмосферу. Впрочем, Би Хуа, Юнь Чжи и Ло Ся держались спокойно. А вот Чэнь Сян, которую перевели сюда от старой госпожи, после первой вспышки ужаса трудилась на редкость усердно, без лишних слов подметая дорожки: она до смерти боялась повторить судьбу покойной няни.

По мнению Би Хуа, Чэнь Сян оказалась куда умнее Тао Яо. Та, вырвавшись из дворика Душистых Орхидей, теперь жила в сто крат хуже, чем прежде.

Недавно Би Хуа издали видела бывшую подругу. Теперь в покоях старой госпожи Хань та прислуживала лишь на кухне, будучи самой грязной чернорабочей. Старая госпожа терпеть не могла Хан Сиэня, и стоило Тао Яо замаячить на глазах, как это напоминало ей о ненавистном внуке. Разумеется, госпожу это лишь раздражало. Вскоре любое действие служанки казалось ей ошибкой. Со временем неприязнь переросла в брезгливость: старая госпожа рассудила, что девка, предавшая прежнего хозяина, легко предаст и новую покровительницу.

Если бы не то, что семья Тао Яо была из потомственных слуг и за долгие годы успела обзавестись в герцогском поместье связями, девка давно бы сгинула без следа.

Некогда ослепительная красота Тао Яо увяла, лицо осунулось. Она больше не наряжалась в изысканные шелка и не покачивала кокетливо бедрами при ходьбе. Вспомнив вечно рыскающий, алчный взгляд девки, Би Хуа покачала головой, прогоняя прочь непрошеную жалость.

Ей предстояло позаботиться о похоронах матушки Дун. Пусть та и не числилась среди слуг семьи Хань, однако умерла в герцогском поместье, да и к тому же приходилась наследнику кормилицей. При жизни она творила бесчинства, но если сейчас выбросить ее тело на растерзание собакам, завернув в жалкую циновку, это очернит доброе имя молодого господина. Люди ведь привыкли чтить мертвых, какими бы они ни были при жизни.

Обдумав все, Би Хуа приняла решение. Раз наследник доверил это дело ей, она устроит все по собственному разумению.

Хан Сиэнь не стал мешать служанке. Он лежал на постели в своих покоях, лениво вертя в пальцах подаренную императором нефритовую подвеску с драконом. На душе у него царил абсолютный покой.

В поместье герцога Хань и не подозревали, что наследник получил высочайшее повеление — юноша вел себя исключительно тихо. Обитатели усадьбы соблюдали видимость согласия, стараясь не переходить друг другу дорогу.

На следующее утро, едва Хан Чжо и Хан Шу уехали на императорскую аудиенцию, у ворот усадьбы появился евнух Юань Бао. С ним прибыл отряд из пятидесяти гвардейцев. Оглушительный стук перепугал слуг до смерти: привратник решил, что их пришли разорять и брать под стражу.

Едва сдерживая дрожь в ватных ногах, он бросился к госпоже Лю. Весть мгновенно долетела и до прикованной к постели старой госпожи Хань. Услышав, что у дверей стоит приближенный государя в сопровождении вооруженных воинов, старуха мигом укрепились духом и даже оттолкнула слуганок, пытавшихся ее поддержать. Вместе с невестками она поспешила во внутренний двор.

Юань Бао встретил старую госпожу вежливым поклоном. Столь предупредительное отношение успокоило старуху: значит, беда обошла их дом стороной. С облегчением опустившись на стул, она велела подать гостю чаю.

— Какими ветрами почтенного евнуха Юаня занесло в нашу скромную обитель? — ласково спросила она.

Юань Бао расплылся в улыбке:

— Старый раб прибыл по велению Его Величества. Мне поручено сопровождать молодого господина наследника.

Услышав это, старая госпожа Хань помрачнела. Каким бы несносным ни был Хан Сиэнь, он оставался наследником герцога, и любой его шаг мог навлечь тень на весь их род.

— Неужто мой непутевый внук совершил оплошность и прогневал Его Величество? — напустив на себя суровость, осведомилась она.

— Что вы, вовсе нет, — поспешил заверить ее Юань Бао. — Наш повелитель весьма благоволит молодому господину. Сегодня я и эти brave гвардейцы прибыли исключительно ради того, чтобы поступить под его начало.

Старая госпожа опешила от изумления. Но прежде чем она успела расспросить евнуха подробнее, на дорожке показался Хан Сиэнь.

Наследник выбрал сегодня наряд из драгоценного сапфирового шелка. Он выглядел не как суровый следователь, а как изнеженный столичный щеголь, собравшийся на загородную прогулку. Прежде его одежды всегда казались слишком просторными, но умелые руки Ло Ся пригнали их точно по фигуре. Впрочем, этот безупречный крой лишь сильнее подчеркивал болезненную худобу и хрупкость его тела.

Юноша неспешно подошел к Юань Бао.

Лицо его бабки слегка исказилось от досады, и она недовольно проворчала:

— Раз уж ты удостоился столь высокой милости и получил государево поручение, отчего не замолвил словечко отцу? Твой родитель разделит бы эту радость.

Она умышленно представила все как обычную сыновнюю непочтительность — мол, юнец заважничал и пренебрег старшими.

Хан Сиэнь посмотрел на нее холодным, всепонимающим взглядом. Он намеренно истолковал упрек бабки как попытку выведать государственную тайну.

— Бабушка, императорский приказ — тайна государственной важности, — со вздохом произнес он. — Разве смею я без дозволения Его Величества болтать о нем на каждом углу?

Старая госпожа, должно быть, совсем лишилась рассудка от злобы за последние дни. Цепляясь за любую возможность уколоть внука, она даже не заметила, как сама расставила себе ловушку. Поняв, как двусмысленно прозвучали ее слова, она тут же испуганно скосила глаза на Юань Бао.

Однако великий евнух стоял с прежней любезной улыбкой на лице, словно весь этот разговор его не касался.

Хан Сиэнь сокрушенно покачал головой и, развернувшись, направился к выходу. Юань Бао поспешил следом.

Оставшись одна, старая госпожа Хань долго и тревожно всматривалась в опустевшие ворота. Ее душу точило нехорошее предчувствие. Евнух Юань Бао — правая рука государя, его тень. В этот час ему надлежало находиться в тронном зале, оберегая покой Его Величества перед лицом министров. И то, что император отослал верного слугу вместе с полусотней гвардейцев ради какого-то дела Хан Сиэня, говорило о многом. Наследник затеял что-то грандиозное, но, проклятый гордец, даже не намекнул семье о своих планах!

Впрочем, терзалась сомнениями не она одна. В этот самый миг в Зале Извивающегося Дракона сановники ломали головы над той же загадкой. За долгие годы они привыкли лицезреть у престола сухую, примелькавшуюся фигуру Юань Бао. И внезапное появление у трона молодого, смазливового евнуха заставило их насторожиться.

Опытные царедворцы умели скрывать свои мысли. Заметив, что Его Величество спокоен и невозмутим, они решили повременить с расспросами. Мало ли, вдруг старый Юань Бао просто слег от хвори?

Государь, привыкший к тому, что министры готовы глотки друг другу перегрызть из-за любой чиновничьей безделицы, теперь откровенно скучал в этой звенящей тишине. Он слегка переменил позу на ледяном золотом троне, устраиваясь поудобнее, и небрежно окинул взглядом ряды склоненных голов. Видеть этих пройдох столь притихшими было забавно. Дважды оглядев собрание, император сухо кашлянул, привлекая внимание.

— Что же вы молчите? — спросил он. — Неужто сегодня ни у кого нет прошений к престолу?

Присутствующие переглянулись и хором отозвались:

— У преданных слуг Вашего Величества нет спешных дел.

Разумеется, даже если бы они и были, никто не решился бы говорить сейчас. Каждому не терпелось поскорее покинуть дворец и отправить слуг на поиски вестей. Однако правитель не собирался облегчать им жизнь.

Он тонко улыбнулся:

— Коль скоро у вас дел нет, они найдутся у меня. Глава Министерства доходов! До меня дошел доклад от маркиза Цзинго из Сицзяна. Он утверждает, что казна до сих пор не выплатила пограничным войскам часть прошлогоднего жалованья. Так ли это?

Министр доходов, услышав свое имя, мысленно взвыл. Скорчив самую жалобную мину, он принялся за привычные причитания:

— Ваше Величество! В минувшем году в распоряжение ведомства поступило всего двенадцать миллионов ланов серебра. Из них целых пять миллионов ушло на ликвидацию последствий наводнения на юге, пятьсот тысяч потребовалось на обустройство загородной императорской резиденции, а еще два миллиона отложено в личную казну двора на непредвиденные нужды. Нам то и дело шлют тревожные вести со всех рубежей, и министерство из кожи вон лезет, пытаясь выкроить хоть крохи для каждого гарнизона. Но большего мы выдать просто не в силах!..

Император безучастно взирал на эту драму с высоты своего трона.

В это же время паланкин Хан Сиэня в сопровождении Юань Бао и полусотни гвардейцев остановился перед роскошными воротами усадьбы министра чинов. Тяжелые створки были наглухо заперты. Над ними красовалась вывеска: «Поместье Ли». Иероглифы, выведенные некогда лично хозяином дома, Ли Чжуном, поражали твердостью линий и горделивым изяществом.

Остановившись перед входом, Хан Сиэнь обернулся к евнуху:

— Значит, сегодня эти воины подчиняются исключительно мне?

Юань Бао удивленно моргнул:

— Именно так, господин наследник. Его Величество соизволил повелеть, чтобы гвардейцы беспрекословно исполняли вашу волю. И все же... как вы намерены докопаться до истины? Быть может, стоит для начала разыскать подозреваемых и учинить им допрос?

Хан Сиэнь слабо улыбнулся:

— Вот и славно. Не извольте беспокоиться, досточтимый Юань, у меня свой подход. Отпирайте.

Последнее слово предназначалось командиру охраны. Оно означало лишь одно: если ворота не откроют добром, их разнесут в щепки.

Предводителем гвардейцев был офицер по имени Гао Фэн. Перед уходом из дворца он получил строгий наказ беречь Хан Сиэня пуще глаза и не перечить ему ни в чем. Услышав приказ наследника, Гао Фэн шагнул к дверям и принялся колотить по дереву тяжелым кулаком.

Спустя пару мгновений из-за забора раздался раздраженный хозяйский окрик:

— Да иду я, иду! Кого там черти принесли?

Должно быть, грохот показался слуге излишне бесцеремонным. Едва приоткрыв створку, он грозно зыркнул на пришедших:

— Кто посмел бесчинствовать у ворот дома Ли? Глаза разуйте, собаки, перед чьим порогом стоите!

Договорить привратник не успел. Мощный толчок распахнул створку настежь, отбросив бедолагу в сторону. Увидев хлынувших во двор вооруженных латников и бесстрастное лицо следовавшего за ними евнуха Юань Бао, слуга побелел как полотно. Поняв, что дело принимает скверный оборот, он сломя голову припустил в глубь усадьбы.

Переступив порог, Хан Сиэнь скомандовал Гао Фэну:

— Перекройте все выходы. Ни одна душа не должна покинуть пределы поместья без моего личного дозволения. Окружная княжна Ань — единственное исключение, ей препятствовать не смейте. Остальные — за мной.

Юноша не сбавлял шагу, явно вознамерившись пробиться во внутренние покои без лишних церемоний.

Юань Бао, пораженный такой наглостью, поспешил преградить ему дорогу:

— Помилуйте, господин наследник! Даже если вы вершите правосудие, подобает соблюдать приличия и известить хозяев. Насколько мне известно, окружная княжна Ань отказалась от отдельного дворца и живет здесь, под одной крышей с родней мужа. Не ровен час, потревожите ее покой — как станете оправдываться перед государем?

Хан Сиэнь смерил его насмешливым взглядом:

— Оставьте тревоги, почтенный Юань. Переступая этот порог, я и не думал ни перед кем отчитываться. Я здесь ради следствия, так что извольте исполнять мои распоряжения. Всю вину, если что, я возьму на себя, вас под удар не подставлю.

Евнух опешил от такой прямоты. На душе у него заскребли кошки: этот безумный мальчишка, похоже, вознамерился перевернуть здесь каждый камень. Юань Бао хотел было возразить, но юноша уже скрылся за поворотом галереи. Старику оставалось лишь тяжело вздохнуть и поспешить следом.

Весть о незваных гостях мгновенно долетела до женской половины дома. Вскоре навстречу им выбежала сама окружная княжна Ши Жуй, оставив задыхающихся служанок далеко позади. За ней едва поспевала свекровь — законная супруга министра Ли Чжуна. Преклонные года не позволяли пожилой госпоже Ли бежать столь же прытко.

Ши Жуй, отличавшаяся весьма пышным телом и изнеженной белой кожей, гневно уставилась на Юань Бао, гвардейцев и, наконец, на самого Хан Сиэня, о дерзости которого на императорском пиру уже говорила вся столица.

— Евнух Юань! — выкрикнула она, задыхаясь от ярости. — Как прикажете это понимать?

На лице Юань Бао отразилось крайнее замешательство. Он беспомощно перевел взгляд с наследника на княжну.

— Ваше Высочество, извольте выслушать... Тут такое дело... — забормотал он.

— На министра чинов Ли Чжуна и его сына Ли Юя поступил донос, — перебил его Хан Сиэнь, не дав вымолвить и слова. Юноша смотрел прямо в лицо Ши Жуй. — Их обвиняют во взяточничестве в особо крупных размерах. Я прибыл сюда с высочайшего соизволения для обыска. Надеюсь, Ваше Высочество не станет чинить препятствий правосудию?

У Ши Жуй оборвалось сердце. Ей тут же вспомнились пачки ценных бумаг и серебряных векселей, что супруг исправно приносил в дом. В пьяном угаре Ли Юй не раз хвастался, что его запасы не иссякнут вовек, и велел ей сорить деньгами не считая. Сама княжна не бедствовала, унаследовав богатое приданое, однако ее страсть к безрассудной роскоши требовала постоянных трат, и муж в полной мере потакал ее капризам.

Позволить супругу сгинуть на плахе она не могла. Вскинув подбородок, Ши Жуй с презрением процедила:

— И это ничтожество смеет угрожать моей семье? С твоим-то чахлым видом только по домам приличных людей мародерствовать!

Хан Сизнь лишь едва заметно усмехнулся и обернулся к командиру гвардии:

— Обыскать рабочий кабинет министра и личные покои Ли Юя.

Не успел Гао Фэн отдать приказ, как подоспевшая госпожа Ли, тяжело опираясь на плечо служанки, взвизгнула:

— Попробуйте только коснуться хоть пальцем вещей в моем дворе! Обыск в усадьбе высокопоставленного чиновника равносильна разорению рода! Где твой указ, щенок? На каком основании ты обвиняешь честное семейство в воровстве? Разве у тебя есть доказательства?

Ши Жуй, уцепившись за эти слова, тут же напустилась на Юань Бао:

— Евнух Юань, Его Величество подписывал указ об обыске? И на каком основании здесь распоряжаются императорские гвардейцы?

Старый евнух выступил вперед. В его голосе тоже послышалось затаенное раздражение:

— Ваше Высочество, Его Величество действительно получил вчера донесение. Помня о вашей чести, государь велел мне помочь во всем разобраться как можно деликатнее. Что же касается гвардейцев, то господин наследник сослался пред светлые очи императора на свое слабое здоровье и попросил выделить охрану для личной безопасности. Владыка проявил милосердие, однако никакого указа о принудительном обыске дома Ли не издавал.

Договорив, Юань Бао бросил на юношу сложный, предостерегающий взгляд и вкрадчиво добавил:

— Господин наследник, дела подобного рода требуют соблюдения законов империи. Господин Ли — министр первого ранга, столп государства. Без прямого письменного повеления императора ваши действия граничат с произволом. Подумайте о последствиях. Если государь разгневается, вам не сносить головы.

Юань Бао до последнего надеялся, что Хан Сизнь выпросил охрану лишь для того, чтобы увереннее чувствовать себя при допросе Ли Юя. Все-таки присутствие взбалмошной княжны могло спутать все карты, и юноше требовалась надежная опора. Но кто бы мог подумать, что этот безумец даже не потрудится вызвать обвиняемого для беседы, а сразу пустит гвардейцев в дело!

Ши Жуй мигом уловила скрытый подтекст в словах старого слуги. Император не давал добро на погром. Посланец двора явился лишь затем, чтобы умерить пыл молодого выскочки и защитить достоинство княжны. Сам государь явно не сомневался в невинности ее родных.

Но этот наглый юнец растоптал все приличия. Он проигнорировал волю государя и без

колебаний пошел напролом, заставив умолкнуть самого влиятельного евнуха империи. Подобная дерзость не укладывалась в голове.

— Если у вас нет священной воли императора, извольте убираться восвояси, — холодно отрезала госпожа Ли. Слова Юань Бао вернули ей уверенность.

Она прекрасно понимала, что ее беспутный сынок, заядлый игрок и гуляка, опять вляпался в грязную историю. Но сейчас главное — выставить незваного гостя за ворота, а с остальным они разберутся позже.

Но ее чаяниям не суждено было сбыться. Хан Сиэнь равнодушно посмотрел на евнуха.

— Наш повелитель направил вас помогать мне, почтенный Юань, — произнес он. — Посему вам надлежит лишь молча наблюдать за ходом следствия. Что же касается моей головы — это моя забота. Я уже просил вас не утруждать себя лишними мыслями.

Подобное пренебрежение больно задело самолюбие Юань Бао. Лицо его на мгновение потемнело от гнева, однако он пересилил себя, отступил на шаг и опустил веки, всем своим видом показывая умывание рук.

Видя это, Ши Жуй сверкнула глазами.

— Да как ты смеешь! — закричала она. — Я сейчас же отправлюсь в императорский дворец и добьюсь для тебя казни за оскорбление величия!

Хан Сиэнь смотрел на эту глупую женщину, чья душа была пуста и чиста, точно лист белой бумаги. На его губах заиграла едва заметная ядовитая усмешка. Неужели она не понимает, что свекровь попросту использовала ее как щит? Лишь зная о благосклонности государя к племяннице, старая карга спряталась за ее спиной. Но Ши Жуй была слишком слепа и спесива, чтобы разглядеть чужую корысть.

Прислушиваясь к суматошным мыслям окружающих, юноша тихо, но отчетливо произнес:

— И кто же мне помешает? Ступайте к государю, Ваше Высочество. Но знайте: даже если вы приведете его сюда лично, обыск будет доведен до конца.

Он повернулся к Гао Фэну. Его брови изогнулись в опасной, почти пугающей гримасе:

— Переверните здесь все вверх дном. Любого, кто попытается препятствовать, брать под стражу на месте за сопротивление императорской гвардии. За любые последствия отвечу я лично.

Офицер, обязанный подчиняться воле наследника, медленно выдохнул и пошел выполнять приказ.

Госпожа Ли обомлела от такой неслыханной дерзости. За долгую жизнь при дворе ей не доводилось встречать столь безумных людей, готовых пренебречь волей самого владыки. Когда латники шагнули к дверям, она попыталась преградить им путь, но тяжелые щиты гвардейцев мгновенно оттеснили ее назад.

— Хорошо же! — ядовито процедила старуха, бледнея от бессильной злобы. — Посмотрим, как запоет наследник Хань, когда его люди уйдут отсюда с пустыми руками! Мой род не забудет этого оскорбления!

— Вы слишком добры, — лениво отозвался Хан Сиэнь. — Не стоит утруждать себя великодушием. Поверьте, я тоже не намерен щадить ваше семейство.

Поняв, что уговоры бесполезны, госпожа Ли отчаянно закивала невестке. Ши Жуй в ярости топнула ногой и повернулась к евнуху:

— Едем во дворец! Живее!

— Мой паланкин у ворот, Ваше Высочество. Позвольте старому рабу сопровождать вас, — угодливо отозвался Юань Бао.

— Вот и славно! Заодно подтвердишь перед дядей каждое слово этого безумца! — выплюнула Ши Жуй.

Перед тем как покинуть двор, старый евнух бросил на юношу холодный, безучастный взгляд.

— Коль скоро господин наследник пренебрег моими скромными советами, мне здесь делать нечего. Возвращаюсь во дворец, — сказал он.

— Счастливого пути, — сухо бросил ему вслед Хан Сиэнь.

Его лицо по-прежнему оставалось безмятежным.

<http://bllate.org/book/20088/2001988>